

Эва Гринерс

**Графиня Фортескью –
жена фермера**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г85

Гринерс Э.

Г85 Графиня Фортескью – жена фермера / Эва Гринерс. – М.:
Литнет, 2026. – 260 с.

ISBN 978-5-521-99808-1

Последним желанием старой циркачки-наездницы Марины Иванкиной, было снова хоть раз оказаться на коне. Но вместо этого, она очнулась в теле юной графини Эйлин Фортескью. Её новая реальность: обветшалое техасское ранчо и брак с грубым стариком. Почему семейство аристократов Фортескью избавилось от родной дочери, да еще и приплатило, чтобы этот фермер взял её в жёны? Марине предстоит не только выжить в теле хрупкой Эйлин, но еще и оказаться «на коне» в прямом и переносном смысле.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99808-1

© Литнет, 2026

© Гринерс Э., 2026

Глава 1

Я всегда знала, что однажды этот день наступит. Не потому, что он был обведён красным маркером в личном календаре. А потому что он наступает в жизни каждого человека. Момент, который определяет всю твою дальнейшую судьбу.

Я, Марина Сергеевна Иванкина, когда-то «Королева Манежа Марго», а теперь всего лишь незаметная служащая цирка, заканчивала свой привычный, тысячу раз отработанный ритуал.

За окнами цирковой конюшни медленно уходило за горизонт солнце, окрашивая небо в те нежные оттенки увядающих роз, что так похожи на прощальный вздох.

Я наклонилась, чтобы поднять ведро с водой, и поясница отозвалась ноющей болью, ставшей такой привычной. Но я игнорировала её – и не такое переживали. Сколько было этих болей, сколько травм – не счесть, и каждая ноет по-своему. А всё забывается, когда приходишь сюда к этим умным мордам, которые тянутся к тебе приласкаться. Ну и вкусняшку получить, а как же без этого.

Растворив в воде жменьку соли, я протянула руку к карману рабочего халата. Там, завернутое в бумажную салфетку, лежало спелое, сочное яблоко. Не для меня. Для неё.

– Жасмин, моя хорошая, – прошептала я, подходя к стойлу. Старая кобыла, когда-то блиставшая на арене в паре со мной, подняла голову. Её глаза, мудрые и немного потухшие от возраста, встретились с моими. Она была такой же, как я. Спisanная. Но не забытая. Для меня – никогда.

– Кушай, моя девочка, – я протянула любимице угощение.

Жасмин осторожно взяла яблоко губами, её мягкая морда ткнулась мне в ладонь. Похрумкав с явным удовольствием, кобыла припала к подсоленной водичке – было жарко.

Я погладила её по крупу, ощущая тепло её тела. Сколько лет мы провели вместе? Четверть века почти! Не шутка.

Цирк был нашим домом, арена – нашим миром, а аплодисменты – нашей музыкой.

– Знаешь, Жасмин, – я прислонилась лбом к её тёплому боку, – сегодня что-то не так. Воздух другой. Будто предвещает что-то. Мне кажется, я устала. Нет, не от работы. И не от тебя, моя золотая, что ты... От чего-то другого... от самой себя, что ли.

Она фыркнула и мотнула головой, будто не совсем была согласна. Лошади всегда были лучшими слушателями. Они не перебивали, не осуждали, просто были рядом, даря молчаливое понимание. Ощущение собственной нужности. И в этом было моё спасение.

Мне часто снились наши былые выступления: вот мы парим над ареной, и сильные ноги Жасмин несут нас, как птиц. А я, блистательная Марго, чувствую себя прекрасной и свободной.

Те времена давно прошли. Теперь моя роль – ухаживать за теми, кто когда-то блистал, за теми, кого списали, как старый реквизит. Но я не жаловалась. Всему ведь своё время и свой срок.

Я прошлась по конюшне, проверила стойла, поправила солому. Каждый уголок этого места был пропитан воспоминаниями. Этот цирк – он был моим миром. Моим раем и моей тюрьмой.

– Марина Сергеевна! – донёсся издалека молодой голос. – Посмотрите наш номер! Минут через двадцать!

Я усмехнулась. Молодость. Она всегда спешит показать себя, рвется вперёд, не зная, что в конце пути её ждёт: незабвенная слава или...

– Да-да-да, ребятки, – крикнула я в ответ, – сейчас подойду! Как раз закончу здесь.

Я взяла щётку и принялась осторожно чистить бок Жасмин, снимая прилипшие опилки и пыль. Одновременно я вела с ней беседы, в основном рассказывая о прошлом. Это было своего рода медитацией, возвращением в счастливые времена. Кобылка внимательно слушала, шевеля ушами.

– Знаешь, Жасмин, как папа впервые привёл меня в цирк? Мне было лет пять, не больше. Я ещё помню, как крепко он держал мою

маленькую ручку, чтобы я не потерялась в толпе. Этот запах... его не спутаешь ни с чем. Смесь опилок, терпкого запаха животных, и чего-то неуловимого, манящего – волшебства, наверное. Я даже тогда забыла про мороженое в руке, и оно закапало мне все башмачки.

Он до сих пор со мной, этот запах старого цирка. Тот шатёр... выдавший виды, потрёпанный, но внутри – целый мир. Каждый скрип, каждый шорох был частью этого волшебства. Клоуны заставляли хохотать до слёз, факир метал сполохи пламени, и это заставляло меня прижиматься к папе сильнее – было немного страшно.

А когда акробаты взлетели под купол... Боже мой, Жасмин, это было так, будто они касались звёзд. Они парили, кружились, словно невесомые. Хрупкие, как куколки. Я сидела, боясь даже пошевелиться, и знала – я должна быть там, на манеже.

Папа тогда смеялся, глядя на моё восторженное лицо. Он говорил: «Ну, дочка, смотришь, как в сказку попала». А я и попала. В ту самую сказку, из которой потом уже не захотела возвращаться.

Акробатка, конечно, покорила моё сердце, и я уже было собиралась шепнуть папе, что буду работать циркачкой, как она. Но зазвучала музыка – нет, не просто музыка, а такой мощный, захватывающий дух марш! – и тут я пропала окончательно!

В круг света, выхваченный из темноты прожекторами, вылетели они... О, это было нечто! Сильные и грациозные лошади в серебряных сбруях, словно вылепленные из света и тени. А на их спинах, высоко-высоко над манежем, царили наездники! Они были будто существа из сказки: мужчина в сияющих камзолах, расшитых золотом, а женщина... Женщина была феей! Её блестящее платье сверкало так, что даже глазам было больно.

Когда они проносились мимо, я чувствовала, как ветер от их скорости касался моего лица, и слышала стук копыт – это был ритм какого-то древнего, дикого танца. Они прыгали, кружились, стояли на конях в полный рост, а кони неслись по кругу, как будто по воздуху.

Мое сердце колотилось где-то в горле, а дыхание перехватывало от восторга. В тот момент я поняла, что хочу быть одной из них.

Хочу чувствовать этот ветер, слышать этот топот, видеть мир сверху, с грациозной спины коня, и дарить людям эту сказку. Это был не просто день, это было откровение.

Я всегда мечтала стать частью этого мира, Жасмин. И моя мечта сбылась. Я стала частью этого мира, тоже ловила восхищенные взгляды, чувствовала этот ритм сердца, когда весь зал замирал, глядя на мой номер. На наш номер, дорогая. – И я пригласила поседевшую гриву моей красавицы Жасмин.

Как один миг всё пролетело: и успех, и взлёты, и падения... ну ты помнишь, – я рассмеялась сквозь слёзы, – И знаешь, я не жалею ни о чём. Кажется, я прожила счастливую жизнь. Свою. Именно ту, о которой мечтала та маленькая девочка, сидящая на деревянной скамейке и смотрящая на звёзды из дешёвых лампочек под брезентовым куполом. Но чего бы я только не отдала, чтобы опять оказаться в седле. Да хоть и здесь на конюшне поскрипеть подольше, правда? Разговорила я что-то, видать совсем стара стала...

В этот момент в дверном проёме показалась фигура. Это был Вадим Петрович, старый униформист, с которым мы вместе работали ещё со времён моего дебюта.

– Мариночка Сергеевна, день добрый! Как здоровье? – его голос был хриплым, прокуренным, но по-домашнему тёплым.

Я чуть выпрямилась, кряхтя.

– Да вот, Вадим Петрович, скриплю потихоньку. Куда денешься. Он махнул рукой, улыбаясь щербатым ртом.

– Эх, Мариночка, прибедряешься! Ты ж как молодая. Я бы и сейчас ух как поухаживал! – и он подмигнул мне белёсыми ресницами.

Я отмахнулась. Этот неуклюжий «флирт» был тоже ритуалом, которому было лет тридцать.

– Чего там, Вадя?

– Молодежь, что номер новый сейчас репетирует, хотят, чтобы ты взглянула. Просили зайти на манеж.

Вадим Петрович кивнул и удалился, а я снова повернулась к Жасмин.

Запах опилок кажется, стал слишком густым. Тяжело дышать. В голове всё кружится. Лошадка, словно почувствовав что-то, нервно топнула копытом.

– Жасмин, что с тобой? – пробормотала я, чувствуя, как мир вокруг начинает плыть. Лошадь заволновалась, прижав уши. Голова её поднялась, и она вдруг встала на дыбы, заржав как-то отчаянно.

«Этого ещё не хватало...» – успела мелькнуть мысль, и тут же всё померкло. Я упала. Тяжёлый удар о грязный пол, звук опрокидывающегося ведра. Резкий, дурманящий запах мокрых опилок ударил в нос. Последнее, что я помнила, это топот копыт Жасмин и её испуганное фыркание.

И всё, темнота.

Я очнулась от того, что прямо в лицо мне плеснули водой. Да от души так, как будто ведро на голову опрокинули. От ощущения песка в носу, ушах, на шее всё нестерпимо чесалось. И запах. Опилки и навоз – это привычно. А вот что это ещё пыльное, с примесью дыма и... как будто керосина? Я приоткрыла глаза. Источник света был тусклым и находился где-то за моей головой.

Первое, что я увидела – это потрескавшийся, тёмный потолок в больших балках, который казался мне совершенно незнакомым. Рядом переступала беспокойно незнакомая мне лошадь. Наученная многолетним опытом, я знала, что она могла случайно или от испуга ударить меня копытом в голову или ещё куда. Я попыталась пошевелиться, чтобы встать.

– Тише, тише, миленькая, – попыталась я проговорить, чтобы успокоить её. Голос был сиплым и горло саднило, как будто я до этого долго кричала.

Но не это показалось мне странным.

Моё тело... оно словно стало другим. Легким. Чужим. Я попыталась пошевелить рукой и с удивлением обнаружила, что могу сде-

лать это без привычной боли в суставах. Головокружение исчезло. Но адски болела голова, и волосы были липкими на затылке – кажется, я здорово расшиблась. Новая волна паники накрыла меня. Где я, что за незнакомая конюшня? Как я сюда попала?

Внезапно раздался низкий, грубый голос, совсем рядом:

– Вот и очнулась. А то ишь... удумала. Боялся, что откинется прямо посреди конюшни. Не хотелось бы с хозяином объясняться. Несите её в дом. Аккуратнее.

– Думается мне, мистер Оливер не больно-то беспокоится, как и ейный папаша о дочке, раз отдал её нашему старому хрычу, БХ-БХ-БХ.

– Знай помалкивай, а то без языка останешься, Сай. Держи её, да не лапай, где не положено...

И тут же, словно сквозь вату, я почувствовала, как чьи-то сильные руки подхватывают меня, поднимают. Я попыталась крикнуть, спросить, но горло было сухим, а из него вырвался лишь хрип. Мой взгляд скользнул по рукам, державшим меня – мужским, сильным, с проступившими венами.

Паника нарастала. Я открыла глаза полностью, силясь сосредоточиться, но всё плыло. Я не узнавала ни лиц вокруг, ни голосов.

И почему у меня ощущение, что моя жизнь, которую я знала, закончилась ровно в тот момент, когда я упала на влажные опилки, раз я всё ещё жива?

Глава 2

Я не открывала глаз. Боль пульсировала где-то глубоко, словно стучала по черепу изнутри. Тело казалось чужим, незнакомым. Я чувствовала, как меня перемещают, как мягкая ткань скользит по коже, а затем – тишина, прерываемая только отдалёнными звуками, которые я не могла разобрать. Голоса. Мужские голоса, грубые, с нотками насмешки, проникали сквозь пелену боли.

– ...Смотри, какая хорошенькая вся, – прозвучал один из них, низкий и насмешливый.

– Да уж, нашей Эйлин точно не хватает большого... – начал второй похабно хихикая, но его оборвал третий, более властный и спокойный.

– Хватит. И так девка натерпелась. А хозяин услышит – шею тебе свернёт.

Эти слова, хотя и произнесенные без особой ласки подспудно успокоили меня, как будто дали понять, что в обиду меня этот человек не даст.

Я сделала попытку пошевелиться, однако меня крепко держали. Попыталась открыть глаза, но веки были словно склеены, тяжелые, непослушные. Лишь слабый свет просачивался сквозь них, намекая на существование внешнего мира.

– Ох... – выдохнула я, и этот звук показался мне чужим, хриплым. – Помогите...

– Я бы помог, ох как помог бы, – не унимался тот из голосов, что был противней всех. Он словно раззадоривал себя, – Красотка Эйлин.

Меня охватило внутреннее оцепенение. Может, я сошла с ума, а это санитары? Воспоминания, обрывки мыслей, образы, которые метались в сознании казались совершенно не связанными с происходящим.

– Я... я не она... Не Эйлин, – прошептала я еле слышно, отчаянно пытаюсь ухватиться за хоть какую-то нить реальности. – Я Марина...

– Что она там бормочет? Может, хозяина позвать?

– Заткнитесь, я сам доложу. Всё, кладите на постель.

Раздались удаляющиеся шаги, и я поняла, что меня оставили одну.

Постепенно, очень медленно, веки разлепились. Комната, в которую меня перенесли, была большой и светлой. Потолок в балках, как и на конюшне, только выкрашен в белый цвет. Было чисто и пахло хорошо: свежим бельём и каким-то цветочным мылом.

Вначале всё было расплывчатым, но постепенно детали стали проступать. Огромная кровать, застеленная простынями из плотного, чуть грубоватого, но явно дорогого полотна. Я была уложена на высокие подушки, которые мягко поддерживали мою голову и спину.

Затем мой взгляд упал на зеркало в массивной, старинной раме, украшенной витиеватой резьбой, висящее напротив кровати. В зеркале отражалась совсем другая женщина.

Молодая, практически юная, с копной густых, тёмных волос, которые каскадом спадали на плечи. Лицо её было овальным, с красивыми чертами, бледной кожей, большими, испуганными глазами, которые сейчас смотрели на меня из зеркала с немым вопросом. Я махнула рукой, и девушка в зеркале повторила моё движение. Бред какой-то.

Я в панике осмотрела себя. На мне было простое, но изящное платье из натуральной ткани в мелкий цветочек, скорее похожее на домашний наряд, но всё равно оставляющее впечатление утончённости. Цвет платья был нежным, бледно-голубым. Удивительно, что мне было дело до цвета какого-то там платья, когда я, похоже, сошла с ума.

– Нет... – снова выдохнула я, но теперь этот звук был громче, более отчётливым. – Это не я...

В попытке отвлечься от своего безумия или галлюцинации я стала вертеть головой по сторонам, хотя движения и отдавались дикой болью в затылке.